

Социологическое знание в кризисе и/или в тисках фатальностей?¹*Аннотация*

В публикации заостряется внимание на сложностях сопряжения ряда базисных принципов социологического знания и особенностей реальных социальных условий, требующих социологической рефлексии и оценки. Данные, во многом непреодолимые, сложности и противоречия обозначены в качестве своеобразных “фатальностей”, в частности: “фатальность повторяемости”, “фатальность веры в социальное развитие”, “фатальность пребывания в меньшинстве”, “фатальность сложности преодоления негативной природы человека”, “фатальность видимой ненужности (бесполезности) социологии”. Подчеркивается, что фиксация фатальностей не может выступать в качестве оправдательной аргументации научного анализа, однако позволяет оценивать некоторые пределы возможностей социологических подходов, видеть их положительную направленность при всей уязвимости устремлений социологического сообщества.

Приводятся аргументы, свидетельствующие о значительном диссонансе между приверженностью носителей социологического знания гуманистическим принципам общественного устройства и доминирующими в социуме прагматизированными установками. Заостряется внимание на том, что социологи, выступая с позиций выразителей общественных интересов, в то же время пребывают в достаточно узкой нише сторонников социального реформирования. Указывается на отсутствие “золотого века” социологии. Ставится под сомнение известный тезис М.Буравого о расширении пропасти между социологическим этосом и изучаемым им миром. Отстаивается позиция относительно постоянного воспроизводства разрыва между общественно-политическими процессами и возможностями социологической науки относительно их отчетливой фиксации и прогнозирования тенденций развития. Акцентируется внимание на потенциальной узости потребителей социально-проективного социологического знания, базирующегося на общегуманистической платформе.

¹ Данную публикацию следует рассматривать как логическое развитие ряда позиций, выраженных в материалах, представленных на суд организаторов II Конгресса САУ.

Ключевые слова: социологическое знание, гуманизм, фатальность, кризис, человек, прогресс

Сохранение высокого накала полемики относительно роли социологической науки в условиях глобальных социальных трансформаций — прекрасная иллюстрация восприятия социологами самих себя как профессиональной когорты, не снимающей с себя ответственности за происходящее и наряду с этим не устающей критически оценивать собственные возможности. Многолетняя и разноаспектная дискуссия уже сама по себе дает неплохой “эмпирический” материал для целого ряда обобщений и определения наиболее болезненных вопросов не столько социологии, сколько всей социальной жизни, на адекватную рефлексию которой она (социология) собственно и претендует.

Особый колорит содержательному обсуждению острых тем о соотношении социальных процессов и уровня компетентности социологических подходов, используемых для их оценки, придает и известная полемика своего рода официальных лидеров социологического сообщества — президентов Международной социологической ассоциации. Достаточно назвать П.Штомпку, М.Веверку и М.Буравого [Буравой, 2008; Веверка, 2009; Штомпка, 2012]. Нет особого смысла подробно перетрактовывать их идейные платформы и высококвалифицированные споры. Отметим лишь, что вся совокупность рациональных и эмоциональных тональностей относительно судеб человечества и судеб социологии, звучащая в последние годы, в том числе со стороны руководителей МСА, в очередной раз свидетельствует о сохранении наиболее значимой, возможно, самой уязвимой, самой наивной и самой обреченной составляющей социологического знания (правильнее сказать устремлений неравнодушных людей от социологии) — находиться в вечном поиске путей формирования менее конфликтогенных и более гуманных (как бы за последнее время ни был обесценен данный термин) социальных порядков (например, в виде той же “консенсусной культуры”, о которой некогда говорил Е.Головаха [Головаха, 2010]).

В то же время социологам опасно консервировать себя в состоянии неперманентно извиняющихся (“за глобальный кризис”, “за не совсем верные оценки ситуаций”, “за неспособность вовремя и правильно прогнозировать будущее”, “за действия политических элит”, “за несовершенство социума” и проч., и проч.). Кроме, безусловно, значимой и постоянно стимулирующей критической саморефлексии, побуждающей к развитию, важно не терять представлений о пределах, за которыми социология не властна выступать в какой-либо активной роли, несмотря на всю самоответственность и неравнодушие к судьбам человечества.

В этой связи можно обозначить ряд своеобразных фатальностей, которые существенным образом сказываются на социологической науке, вызывая известные сложности при формировании параметров адекватности оценки общественных процессов. Под фатальностями я подразумеваю, с одной стороны, определенные “предустановки” (базисные принципы) самой социологии, от которых она не может отказываться, а с другой стороны, непосредственные социальные условия (в их устойчивой “неисправимости”),

вступающие в противоречие именно с базисными принципами социологического знания. Их (фатальностей) фиксация хотя и не должна выступать оправдательной базой при осуществлении научного анализа, тем не менее позволяет очерчивать границы возможного, видеть позитивные стороны даже в уязвимости устремлений социологического сообщества.

Из отчетливо проявляющихся фатальностей есть смысл выделить следующие: фатальность неоригинальности (повторяемости); фатальность веры в социальное развитие; фатальность пребывания в меньшинстве; фатальность сложности преодоления негативной природы человека; фатальность видимой ненужности (бесполезности) социологии.

Попробую очертить каждую из них.

Фатальность неоригинальности (повторяемости). Даже внешне небольшой период существования (точнее, институционализации) собственно социологического знания позволяет вполне обоснованно рассматривать происходящие социальные процессы со своеобразной мировоззренческой платформы Екклесиаста: “Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас” [Эккл. 1:9–10]. Здесь в качестве одного из отчетливых примеров можно привести популярные заметки В.Ядова о результатах Гетеборгского Всемирного социологического конгресса. Мэтр российской социологии, повидавший многие престижнейшие собрания социологической общественности, деликатно-иронично констатирует именно неоригинальность целого ряда, как он называет, “поворотов, “целенаправлений” в современной социологии”, обозначенных на этом авторитетном социологическом форуме [Ядов, 2010]. И здесь отнюдь не вина социологов, не показатель их забывчивости и уж тем более не стремление их относиться к социальным явлениям так же, как предприниматели обращаются с модой, выдавая старое за новое спустя определенное время. Фатальность как раз и заключается в том, что ключевые проблемы не разрешены и даже нет никаких особых предпосылок, что они будут разрешены. Не социология порой “топчется на месте”, а социум “топчется на месте” по главным позициям. А потому нельзя слишком оригинальничать, если не хочешь значительно оторваться от реальной социальной почвы. Имеет место рутинизация принципиальнейших тем. Возникает ощущение их тотальной неразрешимости, что формирует настроения обреченности. И чем более зрелым является социолог, чем богаче у него профессиональный опыт и отчетливее гражданская позиция, чем глубже пласт сугубо личностной сопричастности к происходящему, тем реальнее он осознает данную даже не цикличность, а скорее навязчивую и безысходную заикленность на одних и тех же проблемных пластах. Придание же целому ряду принципиально неразрешимых дилемм неких новых понятийных форм, оригинальных категориальных характеристик вряд ли может успокоить совесть ученого, уменьшить его удрученность от их фундаментальной незыблемости.

Возможно, значимость проблемы развития (модификации) социологической науки заключается не только в усложнении общественных порядков, но, напротив, в их упрощении. Чувство фатализма возникает от ощущения не столько множественности миров, сколько подчиненности данного многообразия вполне устойчивым принципам и социальным технологиям. Социологи не могут не констатировать повторяемость и шаблонность про-

исходящего (при этом продолжая искать выход за границы данных шаблонов социального мироустройства). И здесь социология в лице ее передовых представителей наталкивается на *фатальность веры в социальное развитие*.

Зачастую провозглашается, что максимум (и оптимум) профессиональных задач социологической науки — выявить, зафиксировать, констатировать проблемный ряд, создать концептуальное видение, сформировать обратную теорию (теории). Однако много раз подчеркивалось, что с момента зарождения и по нынешний день (по сути, от О.Конта и до уже упоминавшихся руководителей социологического профессионального сообщества) социология не была (какие бы декларации и заверения ни произносились) нейтральным (политически нейтральным) знанием. Равнодушный, социально безответственный социолог — почти приговор и признание профессиональной некомпетентности. Иначе к чему все эти многочисленные обращения то к “общественности”, то к лидерам держав, то друг к другу относительно “неправильности” вектора общественного развития, к чему поиски моделей “оптимизации”, “рационализации”, “гуманизации” и т.п. Открыто или латентно, но установка именно на гуманизацию общественных отношений (даже при осознании высокой степени тщетности предпринимаемых усилий) всегда наличествовала и продолжает присутствовать в качестве базиса социологического знания, включая и его отраслевые направления. Позволю себе в качестве показательного аргумента процитировать Н.Панину, прекрасно знавшую принципы политического соперничества и тем не менее пытавшуюся говорить с позиций “социального идеала”: “Консолидировать общество и развернуть вектор его развития в сторону реальных демократических преобразований сможет только первоочередное и пристальное внимание власти к созданию условий строгого контроля за выполнением принятых и принимаемых законов и демонстрация личных образцов поведения, соответствующих не архаическим, а современным демократическим ценностям” [Панина, 2006: с. 82]. Идеи совершенствования социума, ориентация на осознанную и социально направленную свободу личности при всех режимах и идеологических заусеницах последних двух столетий были и остаются для социологии “наукowodхновляющими”. А следовательно, мы вольно или невольно оказываемся “пленниками” фатальности веры в социальное развитие.

Да, мы можем обозначить и даже квалифицированно эмпирически доказать, например, мифологизаторский потенциал общественного сознания и вряд ли должны снабжать его (общественное сознание) очередными мифологическими изысками. Напротив, предполагается, что наша наука призвана осуществлять деятельность, направленную на развенчание мифов, лишая тем самым людей иллюзий, в которых они с таким удовольствием пребывали (и постоянно пребывают). Однако квалифицированные в вопросах устройства социальной жизни, особенностей ее функционирования социологи попадают в практически неразрешимую коллизию. В их оценках обычно превалирует (при всем скептицизме, пессимизме и “отстраненности” выкладок) стремление увидеть и обозначить более благоприятные социальные перспективы (что в значительной мере можно считать очередным мифологизаторством). Ни экономический цинизм, ни политический прагматизм не могут быть фундаментальными предустановками профессионального социологического знания. Даже принимая как первое (цинизм),

так и второе (прагматизм) в качестве данности, социологического факта, массового явления, социальной закономерности и т.п., социолог в силу, так сказать, “профессионального воспитания” не может стоять на цинично-прагматичных позициях.

Социология, если исходить из привычных форм дифференциации времени, — наука преимущественно не о прошлом и настоящем, а в первую очередь о настоящем и будущем. И общественные ожидания, а иногда и социально-политические запросы в адрес социологии, понятное дело, связаны с ее способностью “ощущать будущее”. Так складывается (воспроизводится) противоречие. Опыт прошлого и настоящего не сулит никаких особенно оптимистических выводов, но социологи при всей трезвой оценке ситуаций и осознании более чем значительной вероятности наступления алармических перспектив пытаются искать и даже предлагать(!), возможно, весьма наивные позитивные выходы из “бесперспективной перспективы”.

При этом, как хорошо известно, социологическое знание находится в весьма неоднозначном отношении к такому понятию, как прогресс. Социология — и дитя прогресса, и его последовательный критик, и одновременно его завуалированный приверженец с поправкой, как отмечалось, на вечную мечту о возможной общей гуманизации социума. Невзирая на весь скептицизм в отношении возможных последствий глобальных трансформаций, а нередко и растерянность от хаотизации истин, ценностей и смыслов, главный вектор ее усилий направлен на неумный поиск каких-то — радикальных или умеренных — способов коррекции социальных перспектив в их макромасштабном позитивном качестве. Осуществляется нацеленность на нахождение правильных подсказок (в адрес руководителей и “общественности”) и даже сценариев, нацеленных на “улучшение” социальных условий. Как бы мы ни критиковали себя за “утрату предмета” и какие бы ни получали “шпильки” от коллег по гуманитарному цеху, способных легко спрятаться в свои локальные ниши, откуда они кто с сочувствием, а кто и со злорадством наблюдают за неустанными попытками социологов направить в гуманное русло социальные процессы, — все равно мы остаемся ориентированными на данную деятельность. Поэтому можно сказать, что, будучи обречены на понимание высокой вероятности обреченности прогресса, социологи с не меньшей обреченностью пытаются найти практические решения, способные улучшить социальный порядок. Таким образом, представители социологической науки выступают в роли активных адептов социальных изменений, своеобразных прогрессистов, несмотря на порой жесткую критику прогресса. Тот же яркий противник чувственной (читай, современной) культуры П. Сорокин, в сущности, мечтал и всячески пытался сориентировать своих сторонников на гуманистическую перспективу. А его теория о цикличности культурных форм предполагала надежду на переход к идеациональной культуре, что соответствовало желанию известного социолога все-таки предречь наступление (после всех кризисов и вселенских потрясений) очередного варианта “Божьего царства”. Даже отчетливое осознание, что глобальный проект социально-гуманистического миропорядка потенциально и реально опасен для значительной части милитаризированной бизнес-элиты, не убивало в нем эту надежду [Сорокин, 1993, 2006]. И такое воспроизводство принципа обреченной надежды является элементом общей системы оценки социальных процессов. Сделаю здесь небольшое от-

ступление: чтобы что-то инициировать в рационально-гуманистически-социальном ключе, необходимо “верить”, что подобного рода действия могут принести пользу хотя бы в относительно отдаленной перспективе. Однако накапливается “усталость металла” от постоянной и, как кажется, все учащающейся смены надежд и разочарований в социологической науке. Приходится всякий раз преодолевать отчаяние или же уходить в локальные (ограниченные) зоны интереса: в историографию, сопоставительный анализ, стараться занять себя колоссальным по объему трудом, который, в конечном счете, в лучшем случае окажется интересным, но не будет иметь прикладного (то есть по-настоящему социально-преобразовательного) значения и звучания. Усталость накапливается в силу наличия и воздействия еще нескольких фатальностей: фатальности пребывания в меньшинстве, фатальности сложности преодоления негативной природы человека и фатальности видимой ненужности (бесполезности) социологии.

Фатальность пребывания в меньшинстве. Номинально воспринимаясь в качестве выразителей общественных интересов, социологи, тем не менее, находятся в очень локальной социальной нише, которая слабо сопрягается с главными атрибутами системы социально-экономических отношений. В частности, если точно следовать оценкам М.Буравого, который отмечал: “Неконтролируемый капитализм питает тиранию рынка и бесчисленные формы неравенства в глобальном масштабе, а возрождающаяся демократия слишком часто становится тонкой завесой для влиятельных интересов, лишения гражданских прав, лицемерия и даже насилия” [Буравой, 2008: с. 9], носители социологического знания должны выступать с критических позиций и в отношении рынка, и в отношении неравенства, по ходу разоблачая использование демократии как инструмента манипуляции общественным мнением. Именно в этом, судя по его высказываниям, нынешний Президент МСА видит “особый вклад социологии в защиту гражданского общества, которое выдерживает осаду наступающих на него государства и рынка” [Буравой, 2008: с. 9].

В соответствии с такой постановкой вопроса социологи (в идеале) должны быть преимущественно внепатриотичны и внерыночны. При том, что абсолютное большинство индивидов тяготеют либо к силе государства, либо к силе глобальных рыночных отношений, либо находят приемлемый компромисс между ними. Но в таком случае представители социологической науки остаются лишь с очень тонкой прослойкой тех, кого с полной уверенностью можно отнести к гражданскому обществу, радеющему за уменьшение форм давления как государства, так и рынка. Очевидно, что это весьма незначительная доля процента жителей общемирового социума. Здесь кроется существенная сложность для социологов. Ведь нелестно оценивать социальный порядок и будоражить совесть приходится не только у влиятельных фигур, олицетворяющих власть государства или рынка, но и у доминирующего числа жителей планеты, в той или иной степени ощущающих себя относительно устойчиво (как минимум привычно-предсказуемо) именно под властью рынка и государства. И это еще не говоря о проблемах, возникающих при самоидентификации самих социологов, которым, как отмечают Н.Костенко и С.Макеев, очень сложно уйти с национального позиционирования, представляя “свое” общество “в качестве автореферентной малой Вселенной” [Костенко, Макеев, 2008: с. 14] (то, что У.Бек метко на-

звал “методологическим национализмом” [Бек, 2008: с. 34–47]). Приходится также игнорировать позицию И.Валлерстайна, состоящую в том, что: “Разделение на государство, рынок и гражданское общество просто несостоятельно, и сегодня это известно всем и везде... Невозможно разделить эти три способа выражения интересов, предпочтений, идентичности и воли индивидов” [Валлерстайн, 2004: с. 327–328].

В любом случае представителям социологической науки можно поставить едва ли не в укор ориентацию на абсолютное меньшинство (пусть даже социально активное и социально ответственное). В одной из своих публикаций М.Буравой в качестве позитивной тенденции отмечал тот факт, что 75% членов АСА проголосовали в свое время против войны в Ираке, несмотря на 75%-й уровень поддержки военного вторжения американскими гражданами [Буравой, 2008: с. 12]. Это, конечно же, пример гражданской зрелости социологов в США, но наряду с этим — показатель альтернативности (на тот момент) их позиции мнению большинства рядовых американцев.

Известное и неразрешимое противоречие как раз и заключается в том, что мы нередко отстаиваем “перспективные” права и свободы, пытаемся формировать ценности и смыслы у тех, кто вполне отчетливо их не осознает и тем более активно не стремится к их осуществлению. Поэтому кризис воспринимается тем острее, чем очевиднее проявляет себя несоответствие прекраснотных желаний и гуманных разработок жесткой социальной реальности, в которой мы чаще всего остаемся в “гордом” меньшинстве (если не сказать в одиночестве). И здесь не спасает понимание опять-таки постоянства подобного рода исторических прецедентов.

Фатальность сложности преодоления негативной природы человека. Неоднозначная вера в прогресс, пребывание в узкой когорте его социально ответственных проводников базируются еще на одной установке, явно или латентно присущей представителям социологического сообщества. А именно — на представлении об изначально позитивной природе человека, которая (данная позитивная природа), в конечном счете, позволит установить справедливый миропорядок. Вспомним хотя бы прекрасно выраженные рациональные верования Э.Фромма в его знаменитом “Кредо”: “Я уверен, что Царство Единого Мира может наступить только тогда, когда придет Новый Человек — человек, который вырвется из оков архаических кровных связей, который почувствует себя сыном человеческим, гражданином мира, который будет предан человечеству и жизни, а не отдельной ее части; человек, который будет любить свою страну вследствие любви к человечеству и на чьи суждения не будет влиять клановая принадлежность” [Фромм, 2002: с. 216]. Или процитирую И.Валлерстайна: “Если же ничего не определено окончательно, то будущее открыто для творчества — как человеческого, так и всей природы. Оно открыто навстречу возможностям, а значит — и лучшему миру” [Валлерстайн, 2004: с. 9]. Но ведь данные утверждения с очевидностью носят характер желаемости и все той же надежды. В то же время действительность пока с большей вероятностью и вариативностью демонстрирует обратное. И многочисленные разговоры о “вызовах”, давлении государства, корпораций, рынка — лишь обобщенные (понятийно-абстрагированные) формы констатации “неразумности” людей в их подавляющем большинстве. Так, на примере постоянного идеологического мушкетирования тезиса А.Тойнби об “ответах и вызовах” я неоднократно пытался показать

изящество ухода (благодаря деперсонализации) нас от ответственности за то, что мы — человеческое сообщество — есть главные и единственные организаторы и провокаторы этих самых “абстрактных вызовов”, относительно которых потом “героически” ищем ответы, забывая упоминать и воспринимать себя в качестве единственной, исключительной первопричины [Яковенко, 2008]. Точно так же, опасаясь непредсказуемых последствий глобализации, мы боимся не фантомной “глобализации”, а самих себя. Глобализация лишь заставляет (подталкивает) увидеть неспособность индивидов к неукоснительному соблюдению договоренностей, неготовность к осуществлению малоконфликтных стратегий и тактик поведения, превалирование стремлений находить или искусственно создавать внешних врагов, не признаваясь, что ключевой враг скрыт внутри нас самих, — в агрессивности, неумении и нежелании обуздывать некоторые не слишком разумные устремления и страсти.

Данный подход можно применить и к понятию “рынок”. Чем больше увлекаешься интеллектуальной полемикой в отношении его нелицеприятной и антигуманной сущности, тем больше не покидает ощущение некой мистификации. Изначальной и конечной единицей рынка, а значит ключевым “пикселем” всей многообразной картины рыночных отношений является человек. Банальная истина состоит в том, что в основе “антигуманных” рыночных отношений лежат наши зачастую неумные и далеко морально не безупречные желания (впрочем, как и вполне разумные, этически выверенные и необходимые). Пресловутая алчность рынка — это алчность действительно малосентиментальных хозяев мира, но лишь как форма своеобразной социальной сублимации совокупности мелких “алчностей” всех нас вместе взятых. В свое время Р.Мертон, анализируя тему успеха в американской культуре, упоминал, что “давние аналитические наблюдения М.Вебера до сих пор во многом уместны: “Стремление к приобретению, погоня за прибылью, деньгами, желание иметь как можно больше денег сами по себе не имеют ничего общего с капитализмом... Можно сказать, что оно было общим для людей всех групп и положений во все времена и во всех странах мира, где существовали или существуют объективные возможности для этого” (Вебер, 1930; цит. по: [Р.Мертон, 2006: с. 289]). По сути своей сражение против государства и рынка — это в первую очередь битва против тоталитарных и эгоистичных наклонностей самого человека. Неумное стремление гуманистов смотреть на мир сквозь собственные представления об изначальной позитивной природе человека, с одной стороны, всегда похвально. Но, с другой стороны, оно может быть легко расценено как весьма отдаленный от реальности взгляд на происходящее. А значит, неизбежны обвинения в непрофессионализме и светском проповедничестве.

Драматическое сочетание веры в позитивное начало человека и сложностей преодоления его негативной природы наиболее отчетливо проявляется, как свидетельствует историческая практика, в период революций, ее (исторической практики) трагических “приливов” и “отливов”. В логике данных рассуждений упоминание о революциях значимо, поскольку большинство прорывных предложений, выдвигаемых социологами (и не только социологами), содержат в себе революционную составляющую, даже принимая во внимание упреждающие эволюционистские оговорки и призывы к осторожности при осуществлении социальных реформаций. Известная па-

радоксальность ситуации заключается в том, что в основе исторически прочитываемых нами революционных движений лежат все те же интересы рынка. Любая революция до сих пор — это акт раскрепощения влияния и силы мирового рынка. Основные революционные события современной истории, включая провозглашение независимости североамериканских штатов, революции в странах Европы, Латинской Америки, Индии, Китае и т.п. — все это мощнейшие, неумные и неуклонные шаги глобализации мировой торговли с ее же “приливами” и “отливами”. Либерализм, госкапитализм, госсоциализм — лишь многочисленные оттенки, модификации, разные виды “упаковочной тары” одних и тех же товарно-денежных отношений. И без пресловутого прибавочного продукта, олицетворяющего стремление к росту потребностей, ни одна цивилизация, государство, даже культура пока не выживала. Да и возможности для появления социологии как особой формы универсальной рефлексии деятельности социума связаны, да простят мне это напоминание, с мировым рынком и глобализацией, пусть и в ее зачаточных формах. Возвращаясь же к теме неоднозначности природы человека, целесообразно признать, что третья волна рынка, о наступлении которой пишет М.Буравой, — это всего лишь очередная (возможно, и не третья, а N-я) волна приверженности абсолютного большинства индивидов к вещам, к тщеславию, это проявление желаний быть лучше соседа и родственника (“Чужого” или “Другого” — отталкиваясь от разных переводов популярного термина А.Щюца). Как известно, попытки социологов повлиять на рыночную природу человека имели место в рамках социалистической идеологии. В качестве примера достаточно привести особенно хорошо знакомую для отечественных социологов тему о “разумных потребностях”, которая утонула в суете перманентного кризиса советской перестроечной, а затем и постсоветской действительности и воспринимается сегодня как некая светлая недоутопия. Впрочем, судьба самого СССР свидетельствует, что официально марксистская страна стремительно отвергла (предала!) то ли марксизм, то ли псевдомарксизм (полемика продолжается) и с высокой степенью энергичности стала воплощать самые архаичные капиталистические рыночные, эксплуататорские (по марксистской фразеологии), квазипотребительские модели, спасая на определенное время вчерашних идеологических конкурентов от пиковых фаз кризисов и непатриотично перекладывая тяжесть последствий глобальной конкурентной борьбы на своих “рядовых” граждан. Данные уроки никоим образом не усиливают веру в гуманистически ориентированную разумность человека.

Безвыходности данной ситуации добавляет факт отсутствия достаточно практичной, адекватной, программной и массовой по ресурсу стратегии преодоления гипертрофированности рыночной доминанты на индивидуальном, групповом и глобальном уровнях. Уместная и весьма содержательная критика рыночных отношений слабо обеспечивается конструктивизмом взвешенных и реалистичных предложений, способных хотя бы ослабить цунами рыночной экономики (равно как и рыночной политики, рыночного образования, рыночной культуры и рыночных межличностных взаимоотношений). Знание исторических прецедентов, напротив, дает поводы для пессимистично-трезвых оценок. И вновь своеобразный тупик: с одной стороны, социологи не должны выступать апологетами неумного развития рыночных отношений, с другой — не могут не осознавать сложнос-

ти практической реализации социальных альтернатив монополюбно-рыночным концептам развития. Прежде всего (или исключительно?) потому что подавляющее большинство тех, на кого направлен весь гуманистический пафос и призывы освобождения от рыночной зависимости, выступают надежными апологетами рынка и, как ни странно, нередко сторонниками самых изощренных (с учетом новейших технологических возможностей) форм его эксплуатации.

Отсюда и возникает ощущение фатальности, которая была определена как *фатальность видимой ненужности (бесполезности) социологии*. Опять-таки значительный исторический отрезок времени развития социологического знания позволяет констатировать, что социологи с их излишне человеколюбивыми установками и прикладными советами, базирующимися на данных установках, особо не нужны в любой активной фазе политико-экономической деятельности. И нет ни одного сколь-нибудь влиятельного государства (союза государств), где данный вывод был полностью опровергнут. Даже те из реально участвующих в мировой политэкономической деятельности лиц, у кого, возможно, остались “души прекрасные порывы”, не воспринимают социологов всерьез, поскольку, обладая многочисленной информацией закрытого характера и профессиональным опытом, осознают несоответствие между большинством интеллектуальных выкладок, базирующихся на прекраснодушных гуманных теориях, и той жестокой логикой фактической экономической и политической борьбы, которая является практической стороной жизни, обусловленной патологиями человеческого характера в его массовом проявлении.

Хорошо осознаваемая нами правда заключается в том, что справедливо критичных в оценках действующих порядков носителей социологического знания не слышали (не слушали) никогда. Либо, если смотреть со сверхоптимистических позиций, к ним очень слабо прислушивались, во всяком случае, в тех кабинетах и те верховные чиновники, где и кто принимает стратегические решения, ретранслируемые затем на низовые уровни и определяющие доминирующие тенденции общемирового развития. Социологи не смогли предотвратить драматические политические решения, столкнувшие европейские (и не только европейские) народы между собой и инициировавшие, тем самым, вначале одну, а со временем и вторую мировые войны. Да, выступал периодически тот же П.Сорокин (и естественно, не только он один) со своими миролюбивыми призывами и вечными пророчествами кризиса как до, так и после Второй мировой войны [Сорокин, 2006: с. 786–794; Сорокин, 1993: с. 140–148]. Однако в те годы, когда это происходило, гарвардский социолог не влиял на политику американского истеблишмента, а в той же Российской Федерации о его интеллектуально-подвижнических деяниях вспомнили лишь перед распадом СССР, когда стало модным находить новых героев, в том числе и из эмигрантских кругов. Без советов социологов обходились в период разворачивания Карибского кризиса (вряд ли А.Шлезингера-младшего можно считать социологом), равно как и в последующие явные и скрытые по своему трагизму поворотные моменты всемирной истории. Вполне предсказуемо некогда известный экс-премьер Великобритании, в советниках которого числился Э.Гидденс, повинувшись логике политической целесообразности, да и логике традиций политической выживаемости, поддерживал и принимал в правовом отношении не-

безупречные милитаристские решения. Фабула политико-экономических действий требует жесткости и даже жестокости. Рекомендации социологов (равно как и других “гуманитариев”), понятное дело, преимущественно смягченные и не могут быть радикально антисоциальными.

В одной из своих публикаций Б.Нагорный напоминает о безнадежных попытках ряда ведущих американских социологов в период распада СССР уговорить российское руководство не увлекаться радикально-либеральной моделью развития экономики и политики [Нагорный, 2012: с. 15]. Обратная сторона данной ситуации заключается в том, что и на руководство США американские социологи не могли повлиять и отговорить его от поддержки праволиберальных мероприятий в стане бывшего геополитического конкурента. Политические и бизнесовые элиты обошлись без моралистических советов авторитетных социологов и с энтузиазмом включились в получение сверхосязаемой прибыли от развала СССР, Югославии, бесконечных войн на Кавказе и в других точках земного шара, тлевших со времен холодной войны.

Поэтому и возникает известное ощущение обреченности, когда понимание пагубности тех или иных шагов не компенсируется даже частичными возможностями повлиять на исправление их тотально-разрушительного базиса.

С “фатальностью ненужности” связана и ее своеобразная разновидность, которую уместно определить пространным выражением “*фатальность дистанцированности социологии от общества, которое она исследует*”. “Между социологическим этосом и тем миром, который мы изучаем, ширится пропасть”, — так ведь начиналась известная публикация М.Буравовой [Буравовой, 2008: с. 8]. Прекрасная мобилизационная иллюстрация для всякого впечатлительного социолога. Однако предельная откровенность позиции заключается не в фиксации увеличения дистанции между социологией и объектом ее исследовательского интереса, а в признании устойчивости сохранения данной “пропасти”, расстояние между краями которой, а уж тем более динамику ее расширения (а может, и отсутствия данной динамики) определить невозможно. Это скорее субъективная оценка все тех же совестливых ученых, которую можно (и должно) разделять на чувственном уровне, однако слабо проверяется на прикладном. Можно даже считать закономерностью постоянное применение эмоционально насыщенных эпитетов “растет, усугубляется, расширяется” (“пропасть”, “кризис”) для придания отдельным оценочным суждениям или объемным научным работам большей актуальности (социальной значимости). А исходить действительно целесообразно из постоянства слабого сопряжения представлений социологов и непосредственно процессов, характеризующих общество, которое мы пытались и продолжаем пытаться изучать. Речь, естественно, идет в первую очередь о макропредставлениях, макроанализе и макропрогнозах. Хрестоматийны примеры провалов американских социологов (прежде всего корифеев функционализма), неотрефлексировавших вовремя бурные (и буйные) социальные движения 60-х годов прошлого века, или представитель советской социологии, так и не успевших в полной мере адекватно оценить разрушительную турбулентность общественных процессов в бывшем СССР. Мало того, вряд ли есть уверенность, что в период доминирования позитивистской доктрины не было пропасти между “тем” социологическим этосом и “тем” социумом, пережившим, как уже отмечалось, мировые воен-

ные и социально-экономические катаклизмы. Не говоря уже о том, что, по большому счету, ни О.Конт, ни Г.Спенсер, ни Э.Дюркгейм, ни М.Вебер, ни П.Сорокин, ни Т.Парсонс, ни иные мыслители, ныне легитимированные в качестве представителей классической социологии, не были “властителями” дум рядовых англичан, французов, немцев, россиян, американцев..., большинство из которых в “то” время, по понятным причинам, вообще были малограмотны или вовсе безграмотны. Своеобразных претензий к адекватности теоретических разработок классиков и изучаемого ими “мира” накопилось немало и у вечно революционно настроенных инноваторов, и у тех, кто очень уважительно относится к опыту предшественников. В этом смысле необходимо отрешиться от иллюзии о “золотом веке” социологии. Не для окончательного признания самопоражения и появления “суицидальных” настроений. Любая ностальгия “съедает”, вынуждая значительную часть времени тратить на ненужные “вздохи” о некогда “загубленной молодости”.

Просто (хотя совсем и не просто) с тем, с чем нам хотелось бы идти к обществу и в чем мы настойчиво видим “миссию социологии”, возможно, для большинства не особенно-то мы и нужны (и понятны в своих устремлениях). А если и нужны, то преимущественно в вечно отодвигающейся перспективе, о которой говорим все с той же “безнадежной надеждой”. Например, Е.Головаха, отмечая в качестве позитивной тенденции формирование упоминавшейся консенсусной культуры, тут же оговаривается, что “нет оснований полагать, что это произойдет уже в нынешнем столетии” [Головаха, 2002: с. 60].

При этом постоянно приходится констатировать: до сих пор практическая политика предполагает понятность и даже предельную простоту оценок и характеристик. В то же время имеет место известная сложность языка научного знания, включая и социологическое. Проблема обсуждается давно и безрезультатно — широким общественным мнением и теми, кто им руководит, по-прежнему эффективнее воспринимаются простые формулировки, простые лозунги, простые эмоции, простые (на видимом уровне) решения. Общество, точнее бóльшая часть его членов, тяготеет к упрощенным формам социальной жизни, социальных потребностей, социальной коммуникации, социального восприятия и самовосприятия. Поэтому, если даже пофантазировать и утвердить как данность, мол, социологи, преодолев “пропасть”, смогли достаточно полноценно представить картину современного “стремительно изменяющегося”, “текучего”, “нелинейного”... и т.п. мира, то интересно, кого, кроме узкой когорты специалистов и еще чуть более широкого числа любопытных людей, могло бы это заинтересовать?

В качестве иллюстрации сомнений в результативности предпринимаемых нами усилий уместно привести горькие размышления о целесообразности творчества Лауреата Нобелевской премии Альбера Камю: “Я ведь всегда знал, что творчество — это диалог. Но с кем? С нашим литературным обществом, принцип которого — злобная посредственность, где вместо обоснованной критики слышишь оскорбления? Или просто общество? Народ, который нас не читает, или буржуазный класс, который читает газеты и пару модных книг в год? На самом деле творец может быть сегодня не иначе, как одиноким пророком, переполненным и буквально снедаемым безмерностью своего творчества. Являюсь ли я творцом? Раньше я в это верил. Точнее, верил, что могу им быть. В этом-то я сегодня и сомневаюсь. И чу-

встую большое искушение прекратить это непрерывное усилие, делающее меня несчастным даже среди полнейшего счастья, отбросить эту пустую аскезу, отвергнуть тот призыв, который ведет меня неизвестно куда” [Камю, 2009: с. 231–232]. Думаю, многие социологи (и опять-таки не только социологи) подписались бы под этими искренними и весьма красноречивыми словами.

К выводам

Кризис социологической науки следует рассматривать в отчетливой взаимосвязи с целым рядом парадоксов и установок, присущих непосредственно социологам как носителям гуманистической интеллектуальной традиции. Именно неукоснительная привязанность к глобальным гуманистическим ценностям порождает целый ряд фатальностей, в которых вынужденно пребывают искренние носители социологического знания. По своей сути социология — “максималистская” наука во многом ориентирована именно на максимальные социальные критерии жизнедеятельности человека и общества. В этом ее существенная уязвимость для прагматичных критиков.

Хорошо известно, что изначально социологическое знание не только рефлексивно и оценочно-критично, но и социально-проективно, включая отчаянные попытки предлагать формы “усовершенствования” социальных порядков. Социология вольно или невольно в большинстве своих устремлений исходит из мечты о потенциальной возможности человечества к качественному скачку, в результате которого создастся (сформируется) иной более развитый разумно-моральный социум. А значит, ее (социологии) кризис — это всегда кризис воплощения гуманных идей и проектов. Как только они (идеи и проекты) не реализовываются (а не реализовываются они постоянно), возникает “чувство вины”. И в полной мере разделить и воспринять данное “чувство вины” как свое собственное, кроме социологов больше некому (возможно, я и ошибаюсь). У психологов задачи на видимом уровне “поскромнее”, а у философов “поабстрактнее”.

Целесообразно в очередной раз провозгласить банальность: социолог — априори гуманист. Его не могут вдохновлять, умилять, вызывать у него чувство одобрения и восторга любые социальные действия, предполагающие насилие и убийства, в том числе и весьма распространенные сегодня латентные формы насилия и “мягкого” самоистребления. Тем самым, будучи призванными выражать общественные интересы, социологи остаются, по сути, в меньшинстве с учетом тотальной дегуманизированности социума и преувеличения в нем примитивных потребностей, ценностей и смысловых установок.

Способности и возможности социологической науки адекватно оценивать общественные процессы, а тем более оказывать на них позитивное влияние всегда оставляли желать лучшего. Но, во-первых, это не означает отказ от попыток исследовать и предупреждать о последствиях реализации сомнительных по своим локальным и глобальным последствиям социально-экономических и социально-политических сценариев, а во-вторых, это не повод к радикально-упаднической самокритике.

Ждать, переживать и приближать “чудо” гармонизации социальных отношений, понимая маловероятность такой перспективы, — безнадежный удел социологов. Впрочем, когда говорится о “миссии социологии”, отчетливо осознается, что “миссия” — означает предназначение совершать то, что в обыденной реальности наличествует весьма слабо, очерчивать путь, по которому не ясно согласятся ли пойти те, к кому она обращена...

Источники

Бек У. Космополитическое мировоззрение / Бек У.; пер. с нем. — М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. — 336 с.

Библия / Братство во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, к 60-летию образования Луганской епархии, 2004. — 1376 с.

Буравой М. За публичную социологию / М. Буравой // *Общественная роль социологии* / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. — М.: ООО “Вариант”: ЦСПГИ, 2008. — С. 8–51. — (Из библиотеки Журнала исследований социальной политики).

Вевёрка М. Некоторые соображения по прочтении статьи М. Буравого “Что делать?” // М. Вевёрка // *Социологические исследования*. — 2009. — № 4. — С. 9–13.

Головаха Е. Футуросоциум / Е. Головаха // Е. Головаха: Игра с классиком. Книга для думающих людей. — К.: НАН Украины: ИС НАНУ, 2010. — С. 58–60.

Камю А. Из записных книжек / Камю А.; пер. с франц. О. Гринберг, В. Мильчина, Е. Гальцова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 253, [3] с. — (Классическая и современная проза).

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура / Мертон Р.; пер. с англ. Е.Н. Егорова, З.В. Каганова, В.Г. Николаева, Е.Р. Черемиссинова. — М.; АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. — 873, [7] с.

Нагорный Б.Г. Социология и новая реальность / Б.Г. Нагорный // *Методология, теория та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*: зб. наук. пр.; вип. 18. — Х.: ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. — С. 13–17.

Панина Н. Демократизация в Украине и Оранжевая революция в зеркале общественного мнения / Н. Панина // *Избранные труды по социологии*: в 3 т. / [сост. и ред. Е.И. Головаха]. — К.: ИС НАНУ, 2012. —

Т. 3: Социология политики, национальных отношений, общественного мнения и социальная психиатрия, 2012. — 328 с.

Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд; [пер. с англ. А. Гарькавого]. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. — 416 с.

Сорокин П. Причины войны и условия мира / П. Сорокин // *Социологические исследования*. — 1993. — № 12. — С. 140–148.

Сорокин П. Социальная и культурная динамика / П. Сорокин; пер. с англ., вступ. статья и коммент. В.В. Сапова. — М.: Астрель, 2006. — 176 с.

Фромм Э. Искусство любить / Э. Фромм; пер. с англ.; под ред. Д.А. Леонтьева. — 2-е изд. — СПб.: Азбука, 2002. — 224 с.

Штомпка П. Десять тез про статус соціології в нерівному світі / П. Штомпка // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологія*; вип. 3. — К.: Вид.-поліграф. центр “Київ. ун-т”, 2012. — С. 8–9.

Ядов В.А. Всемирный социологический конгресс в Гетеборге — событие, требующее осмысления и действий сообщества социологов / В.А. Ядов // *Социологические исследования*. — 2010. — № 3. — С. 163–168.

Яковенко А.В. Сложности самоидентификации украинцев в условиях глобализации (немного о наболевшем) / А.В. Яковенко // *Багатовимірні простори сучасних соціальних змін: Наукові студії Львівського соціологічного форуму*: зб. наук. пр. — Львів: Вид. центр Львів. нац. ун-ту імені Івана Франка, 2008. — С. 108–115.